

Светлана Васильевна Вьюгина родилась в селе Николо-Урюпино Красногорского района Московской области. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Печаталась в журналах «Подъём», «Аврора», «Мурзилка», «Балтика», «Огни Кузбасса», «Дон», «Север» и др. Автор многих книг для детей: «Кнопастик», «Солнечные краски», «Черемуховое крылечко» и др. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Светлана Вьюгина

СКАЗАНИЕ О ПЕРСИКЕ, или ПЕРСИК НА «ПЕРЕДЕРЖКЕ»

Рассказ

Серафиме Петровне родственники, уехавшие в отпуск на юг, оставили кота на «передержку». Но до чего же ей не нравится это корявое слово.

«Пере, пере» — как вспомнишь, тут же выплывают: «перестрелка», «перемога», «перестройка»... будь она неладна вместе с ее прорабом, недавно отправившимся на встречу с Богом.

Вот слово «Персик» — совсем другое дело. Насыщенное словно каким-то красочным избытком, осязаемой полновесностью.

Серафима Петровна хотя и на пенсии уже, но пенсионерка работающая и женщина — хоть куда...

Это о таких, наверно, пели в свое время: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!»

Так вот, следуя последней московской моде, с какой-то благой целью она приобрела скандинавские палки для ходьбы и теперь каждый вечер, наращивая темп, совершала пешие прогулки вокруг ближнего озера. Она бы безмятежно продолжала

совершать их и дальше, но как-то раз старый сосед, друг и собутыльник ее покойного мужа, язва и всезнайка Иван Гордеевич, к тому же активный член местного литобъединения, ошарашил ее:

— Серафима, — обратился он к ней, — а ведь бегом от смерти не убежишь. А знакомо ли тебе такое стихотворение Шарля Бодлера:

И старческой любви позорней
Сварливый старческий задор...

Серафима Петровна намек поняла, но, будучи человеком дотошным, решила проверить в интернете достоверность сказанного Иваном Гордеевичем. Оказалось, что никакой это не Шарль Бодлер, а наш отечественный Федор Иванович Тютчев.

Когда же наш Иван Гордеевич был обличен в незнании поэзии, он, не смущаясь, произнес: «Простите меня, я жалею старушек, / Но это единственный мой недостаток», — вот Вам настоящий Тютчев».

И снова он сплутовал, старый пень, но может, он, как говорит сегодня молодежь, просто «прикалывался».

Но не Иван Гордеевич, а кот Персик — герой нашего рассказа, о нем мы и продолжим наше повествование.

Август этого года выдался таким жарким, как никогда. Пекло нещадно.

А у Серафимы Петровны, как на беду, перегорел день и ночь работавший вентилятор.

По совету «Яндекса», который «знает все», она завесила окна мокрыми простынями, надеясь получить хоть какую-то передышку от зноя.

Все живое во время беды и нужды льнет к своему «старшему брату» — человеку. Не был исключением и Персик. Он одним прыжком вскочил на постель к Серафиме Петровне и прижался к ее теплому боку, хотя коты предпочитают всегда ложиться в ноги хозяев.

Персик, тесно прижавшись к хозяйке, стал вылизывать свою блестящую роскошную шерстку, искоса глядя на Серафиму Петровну.

Затем он вытянулся, спрятав хвост между лап, — верный признак кошачьего уныния.

— Скучает, — подумала Серафима Петровна. — Ласки хочет. — И погладила его по теплой рыжей бархатистой шубке.

«Нет, все-таки в людях много хорошего осталось», — подумал кот и в ответ благодарно, коротко и отрывисто замурчал.

Серафиме Петровне не впервой было иметь дело с котами, и ранее со своими — тоже. И она прекрасно понимала и смысл, и оттенки смыслов кошачьих голосов.

«Знаю тебя со всеми твоими повадками, — говорила о Персике про себя Серафима Петровна. — Сейчас тебе тяжело, ты печален, но стоит мне прийти с работы домой, то тут же начинаешь тереться об ноги; я понимаю, что этим ты выражаешь свои особые умильные чувства. Если ты сильно дергаешь и бьешь хвостом — значит, тебе что-то не нравится; если же держишь хвост трубой — это знак того, что ты всем доволен, и у тебя ни к миру, ни ко мне нет претензий. А когда мы были с тобой на даче, а ты выгибал спинку, и у тебя стояла дыбом шерсть — это означало, что ты чувствовал опасность и был готов защищать свою территорию от наглого и враждебного соседа. А еще ты был щедрым и доблестным охотником; помнишь, сколько грызунов приносил к нам на крылечко в доказательство того, что ты добытчик?»

А потом ты отходил в сторонку, и прямо стоящие твои ушки означали, что ты занят собой и тебе ни до кого нет дела. Когда тебе надоедало заниматься «самосозерцанием», ты перекатывался на спинку, и я понимала, что это знак полной преданности мне и предложение поиграться. А сейчас я жду от тебя твоего мурлыкания, знака твоего хорошего настроения и благодарности за мою ласку».

Далее Серафима Петровна гладила кота по голове и продолжала уже вслух:

— Я к тебе-то давно уже привыкла. А может, и полюбила немного. Наверное, пойду-ка я налью тебе молока в миску.

Тут Персик вскинул на нее свои замечательные светло-зеленые глаза — вы не поверите, такие же, как и у хозяйки, — и замурлыкал еще громче.

— Ты меня тоже, наверное, немного любишь?! И что с того, что нас не взяли на море; меня, немолодую тетю, и тебя, пусть и молодого красавца, но хлопотного в дальней дороге. Но мы так нужны друг другу! Жалко, что ты не умеешь говорить, но ты все, как человек, понимаешь, по крайней мере, понимаешь самое главное.

Тут Персик наострил ушки.

— Сказал бы ты мне, Персик, что я тебя дорога! — то ли в шутку, то ли всерьез произнесла уже привыкшая к одиночеству Серафима Петровна.

Тут кот, сидевший уже на сквозняке у отворенной двери на балкон, мягко и неслышно подошел к Серафиме Петровне и дважды лизнул ее усталую руку.

Одна живая душа поняла другую душу. Может, это и есть любовь, завещанная свыше всему существу?!

И разве этого мало для счастья?

